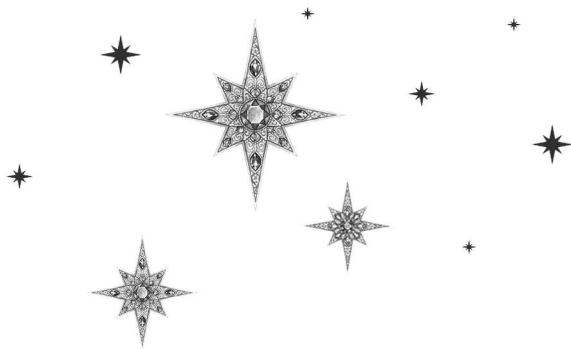


Татьяна
УСТИНОВА



Пояс Ориона



Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *Н. Каптыкиной*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Пояс Ориона : [роман] / Татьяна Устинова. — Москва :
Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-229891-2

Тонечка — любящая и любимая жена, дочь и мать. Счастливица, одним словом! А еще она известный сценарист и может быть рядом со своим мужем-режиссером всегда и везде — и на работе, и на отдыхе. И живут они душа в душу, и понимают друг друга с полуслова... Или Тонечке только кажется, что это так? Однажды они отправляются в прекрасный старинный город. Ее муж Александр должен встретиться с давним другом, которого Тонечка не знает. Кто такой этот Кондрат Ермолаев? Муж говорит — повар, а похоже, что бандит. Во всяком случае, как раз в присутствии столичных гостей его задерживают по подозрению в убийстве жены. Александр явно что-то скрывает, встревоженная Тонечка пытается разобраться в происходящем сама — и оказывается в самом центре детективной истории, сюжет которой ей, сценаристу, совсем непонятен. Ясно одно: в опасности и Тонечка, и ее дети, и идеальный брак с прекрасным мужчиной, который, возможно, не тот, за кого себя выдавал...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229891-2

© Устинова Т.В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

«Она слышала только рёв собственной крови, и он казался ей грохотом. Так грохочет и ревёт надвигающийся скоростной поезд в ночном кошмаре, когда почему-то нельзя шевельнуть ни рукой, ни ногой, чтобы спастись, отползти с рельсов. Но в кошмаре было не так страшно, была надежда — вот, ещё чуть-чуть, последнее усилие и удастся пошевелиться, и ужас отступит.

Никакой надежды. Никакого сна. Всё происходит здесь и сейчас — наяву.

Она вдруг мимоходом удивилась — ну да, наяву. И именно с ней. В эту минуту.

Она прислушалась, но из-за пульсации и стука в ушах ничего не было слышно.

Она сглотнула сухую, как папиросная бумага, слюну, помедлила и выглянула из своего укрытия.

Ничего не видно, только плотный серый туман висел над берегом. Наверняка в такой оглушительной тишине рёв её скоростного поезда слышен издалека, и он её выдаст!..

Она вновь прижалась спиной к стене старого лодочного сарая.

Медлить нельзя, нужно спастись, но как, как?..

Впереди река, но её не переплыть, не одолеть течение и водовороты. Дальше по берегу, кажется, камыши и болото, не выбраться. Назад никак нельзя, там... они.

Остаётся сарай.

Очень осторожно, перебирая по влажным шершавым доскам обеими руками, словно слепая, она двинулась вдоль стены. Лишь бы не сломалась под ногами ветка, не скрипнула предательски старая доска!..

Щелястая дверь держалась на одной петле и была зачем-то подпёрта доской, но внизу оставался проём. Она стала на четвереньки и проворно забралась внутрь.

Здесь тоже висел туман, наползший с реки, и было сумрачно.

Она села на пятки и огляделась — две перевернутые лодки, какой-то запущенный верстак, в углу навалены рыболовные сети.

Убежище так себе. Совсем никудышное. Если начнут стрелять, стены моментально разлетятся в щепки и ни от чего не укроют.

Она потрогала лодку, покачала туда-сюда. Очень тяжелая, словно дубовая. Под неё не подлезть.

Разве бывают дубовые лодки?..

У кого-то из поэтов было про дубовый чёлн, а может, он был не дубовый, а утлый, она забыла.

— Да некуда ей деваться, — громко сказали совсем рядом, словно говорящий стоял над ней. — Здесь где-то.

— А может, через реку махнула?

— Щас!.. Там верная смерть, течение даже мужик не одолеет!

— Так может, утопла?

— Это бы хорошо, возни меньше. Эй, тут халабуда какая-то, взглянуть надо!

— Да точно она в воду кинулась! Баба же! Мозгов нет!

Девушка в сарае изо всех сил потянула на себя какую-то железяку, и лодка вдруг мягко перевернулась, оставив на земляном полу гору полуистлевших сетей. Девушка нырнула в лодку и мгновенно завалила себя серыми гнилыми верёвками.

В эту секунду дверь сарая распахнулась и, нагнувшись, вошёл высокий человек с винтовкой в руке.

— Ну чего там?! — прокричали снаружи.

— Да вот смотрю! — Высокий пнул ногой лодку. Она закачалась, заскрипела, но устояла. Девушка не издала ни звука.

Он подошёл ко второй лодке и заглянул под неё.

— Куда баба делась, — пробормотал он, — хрен поймёшь!..

— Чего там у тебя?

— Нет её тут!

— Говорю, вплавь решила!..

— Как это теперь проверить?!

— Не будем мы проверять!

— А если в кустах засела?

— Все кусты мы излазили!

Высокий человек ещё раз оглянулся вокруг, ткнул дулом карабина в старые сети. Дуло упёрлось в лодочное дно в сантиметре от её лица. Она зажмурилась.

— Хорош, пойдём отсюда!..

Высокий длинно выматерился, ударил ногой покосившуюся дверь и вышел из сарая.

Девушка лежала, заваленная сетями, боясь открыть глаза».

Тонечка поставила точку, моргнула, прогоняя из головы серый речной туман, старые лодки и бандитов.

На сегодня, пожалуй, хватит. Она сделала всё, что могла, и даже немножко больше.

— Я люблю тебя, жизнь, — пропела она фальшиво и потянулась, — что само по себе и не ново! Я люблю тебя, жизнь, я люблю тебя снова и снова!..

В гостиничном номере было сумрачно — горела только настольная лампа. Который может быть час?.. Сколько она просидела за работой?

Впрочем, какая разница! Работа срочная, сценарий, как обычно, был нужен позавчера, съёмочный процесс запустить никак не могут, потому что сценарий не написан. Вот и призвали Тонечку, как лучшего сценариста, чтобы она написала быстро и качественно. Она согласилась — уж очень хорошие деньги пообещали за «быстро и качественно», так что теперь не имеет значения, сколько часов в день ей придётся просиживать за работой — взялся за гуж, не говори, что не дюж...

...И всё-таки какой там был чёлн, в стихах? Дубовый или утлый?... Или тот и другой?

Ей очень хотелось есть, пить, лечь, закрыть глаза и ни о чём не думать.

Так есть и пить — или лечь и закрыть глаза?..

Она посмотрела в окно — на фонари и старинное здание театра. Этот театр она обожала и, приезжая в Нижний Новгород, всегда старалась попасть на спектакль.

Нужно будет Сашу сводить, он наверняка никогда не был в Нижегородском театре драмы!..

Тут она вдруг сообразила.

— Позвольте, — сказала она с громким удивлением. — А где мой муж?!

Муж уехал в гости к «старому другу», и это было... Тонечка посмотрела на время... Часов шесть назад, ничего себе!..

Она включила телевизор, позвонила на мужнин телефон, который, ясное дело, только уныло гудел ей в ухо.

— Александр Наумович, — сказала она телефону, — где вы есть-то?.. Отзовитесь!..

Абонент не отвечает, любезно сказал телефон женским голосом и предложил оставить сообщение после звукового сигнала.

Тонечка никаких сообщений оставлять не стала. Её муж никогда не пользовался автоответчиком.

...Или спуститься вниз, в ресторан? В этом отеле превосходный круглосуточный ресторан! Вчера по приезде они наужинались так, что Тонечка поклялась себе, что никогда в жизни больше куска в рот не возьмёт.

В принципе.

...Или принять душ и лечь? Если она ляжет, то сразу уснёт, а тут как пить дать явится муж-объелся-груш, разбудит, а потом она уж точно не заснёт!

— Как всегда в это время, — сказали из телевизора магическим голосом, — шоу «Любит — не любит» и его ведущая Гелла Понтийская. Представляю вам моих сегодняшних гостей.

— Какая ведущая? — заинтересованно спросила Тонечка у телевизора. — Как её звать? Гелла?!

Ведущая была «норм», как выражаются Тонечкины продвинутые дети: длинноногая, волоокая, грудастая и губастая. На Геллу, конечно, не тянет, но зато очень, очень современная красавица.

«Как вы узнали, что муж вам изменяет?» — пыталась ведущая смирную тётку лет шестидесяти. Тётка волновалась, цветастое платье ходило на ней ходуном.

«Дак я и не знала! Мне уж соседка сказала, Марья Павловна! Ваш-то, говорит, прощелыга, тихий-тихий, а на седьмой этаж шастает к Светке-козе!»

«И вы решили сделать тест ДНК», — подсказала Гелла.

«Я решила на лысину ему плюнуть, вот что я решила!» — рассердилась тётка.

Тонечка захохотала:

— Зачем ей тест ДНК? — спросила она у ведущей в телевизоре. — Чтобы установить, её муж или не её на седьмой этаж шастает?

Впрочем, тесты ДНК захватили нынче не только центральные каналы, но и региональные тоже. Господи, кто это смотрит, ну вот кто?!

— Ты же и смотришь, — сказала себе Тонечка и опять захохотала. — В данную минуту.

Она решила позвонить в ресторан и заказать еды в номер, даже трубку сняла, но тут в коридоре что-то с грохотом упало и как будто посыпалось, бабахнуло в стену.

Она подбежала и распахнула дверь. И взвизгнула.

Какая-то туша ворочалась на гостиничном ковре, пытается подняться. На голову туши была почему-то надета дикая плетёная шляпа, а вокруг рассыпаны яблоки — много!

— Что такое?! — выпалила Тонечка. — Вам помочь? Вам плохо?!

— Хорошо-о-о! — уверила туша и поднялась, опираясь руками о стену.

Поднявшись, она оказалась собственным Тонечкиным мужем Александром Германом, телевизионным продюсером и режиссёром.

— Я пришёл, — сказал Тонечкин муж, — на своих ногах, заметь!

— Я замечаю, — едва выговорила ошеломлённая Тонечка.

— Я тебе яблоки нёс, но растерял.

— Я нашла, — сказала Тонечка и сняла у него с головы корзину. — Ты проходи, проходи!..

Он ввалился в номер, дублёнка волоклась за ним по полу.

— Вот сюда, сюда давай! Ложись!

Он плюхнулся на кровать, запутался в дублёнке, стянул один башмак, а про второй забыл и полез к Тонечке с поцелуями.

— От тебя разит, как от самогонного аппарата!

Продюсер всех времён и народов нахмурился, на лице его отобразилась работа мысли.

— Не, — в конце концов обиженно сказал он. — Не было никакого аппарата. Мы самогонку не гнали!

Тонечка стащила с него дублёнку.

Он опять потянулся, чтоб поцеловать.

— Иди ты на фиг! — Она оттолкнула его физиономию. — Как ты в лифт зашёл? И кто тебя вёз?!

— Кто-то вёз, — признался Герман. — Я не помню. И яблоку потерял. Вкусные такие яблоки, красные. Кондрат тебе перedal, а я потерял.

— Ты зачем корзину на голову надел, алкоголик?

— Я нннее надевал!

Тонечка отбежала к чемодану, раскопала аптечку, которую всегда брала в поездки, немного там, у чемодана, поохотала сама с собой, бросила в стакан четыре таблетки растворимого аспирина и залила их водой.

Когда она вернулась к мужу, тот крепко спал, подложив под щеку башмак.

Тонечка забрала башмак, заставила страдальца сесть и выпить аспириновую воду.

Страдалец хныкал, мотал головой и пить отказывался.

— Нужно сейчас, — уговаривала Тонечка. — Иначе утром совсем плохо будет!

— Будет хорошо! — не соглашался её муж, но в конце концов всё допил.

Тонечка прикрыла его пледом, побежала в коридор и собрала в корзину рассыпанные яблоки. Они на самом деле были очень красивые — крепкие, зимние.

Когда она вернулась, муж, не разлепляя век, спросил строго:

— Зачем ты её позвала?

— Кого? — не поняла Тонечка.

— Эту Геллу из телика.

Тонечка оглянулась на экран, там вовсю продолжалось шоу «Любит — не любит».

— Гони её отсюда, — продолжал муж. — Она Ермолаю всю жизнь испортила!

— Кто?!

— Гелла из телика. Она его жена.

— У тебя белая горячка, — констатировала Тонечка, — в начальной стадии.

— Что ты, — сказал муж, — нет у меня горячки. Я просто напился.

После чего захрапел так, что занавеска на окне, выходящем на драматический театр, пошла мелкой волной, и унять этот храп до самого утра не было никакой возможности.

* * *

Утро началось, как и полагается утру после грандиозной мужской попойки: муж стонал, что больше никогда не будет пить, жена отчитывала его за содеянное и параллельно лечила.

Фраза «Сколько раз я тебе говорила!» была повторена неоднократно.

— Хорошо ещё, я тебя вчера заставила аспирин принять, — говорила Тонечка, выжимая принесённый из ресторана лимон в стакан воды со льдом. — Господи, что за удовольствие так налакиваться!

— Да я же не специально, — морщась отвечал Герман. — Мы под разговоры и под закуску хорошую... Он же повар...

— Я знаю, что он знатный повар, ты мне все уши про это прожужжал! — Тонечка подала мужу воды, он жадно припал к стакану. — Только я не понимаю, как это связано! Повар обязательно должен надираться до поросычьего визга?! Я вообще не понимаю, как ты до номера дошёл, как тебя в отделение не забрали или не ограбили по дороге, честное слово!..

— Тоня, я не специально, — Герман выпил всю воду и теперь налитым кровью глазом косил на стол: там был стратегический запас воды, но о том, чтобы встать, подойти и налить, не могло быть и речи!

Тонечка, сообразив, налила ему ещё и поставила в изголовье кровати целую бутылку.

— У меня первый муж был алкоголик, — напомнила она тихо. — Он допился до психиатрической больницы.

Герман посмотрела на неё. В ушах у него шумело, в горле стояла гадость, голова была тяжёлой и словно пылала.

И тем не менее он рассердился.

— Не нужно никаких сравнений! — ответил он грозно. — Ещё не хватает! Я не алкоголик и не первый муж. Я твой единственный муж, и точка.

Тонечка наклонилась и с сочувствием поцеловала его в небритую щёку.

— Бедный ты мой пьянчужка.

— У меня голова вот с этой стороны болит, как будто я ударился.

— Ты и ударился, — сообщила жена. — Ты упал в коридоре, стукнулся о стену! Рассыпал яблоки и надел на голову корзину.

Он посмотрела на неё.

— Что, серьёзно? Или ты шутишь?

— Ничего я не шучу.

— Вот дела, — протянул Александр Герман задумчиво. — Вообще не помню.

— А ещё ты мне велел прогнать Геллу из телевизора, потому что она жена Ермолая.

— Здесь была Гелла?!

— Саш, хорош дурить, — сказала Тонечка с сердцем. — В телевизоре была ведущая, Гелла Понтийская какая-то! Ты в бреду решил, что она здесь, и велел её прогнать!

— Да я вчера на неё полвечера убил, — Герман сел, осторожно придерживая голову. — Она приехала, такие давала гастроли, прямо образцово-показательные! И что он ей жизнь испортил, и что она несчастная, и что она в соцсетях всем расскажет, как он её избивает!..

— Саш.

— А?

— Ты сейчас о чём говоришь?

— Я тебе рассказываю про Кондрата Ермолаева, моего старого друга, с которым мы вчера вместе пили! Он перво-классный...

— Повар! — перебила Тонечка. — Я знаю! На кого ты убил полвечера и кто давал гастроли?

— Ведущая эта, Гелла! Она его жена.

Тонечка зачем-то оглянулась на телевизор, словно Гелла, жена повара, могла внезапно выскочить оттуда. Телевизор не работал.

— Она приехала в самый... разгар, — продолжал её муж. — И сразу стала беситься и кидаться на Ермолая, а он...

— Он же вроде Кондрат.

— Кондрат Ермолаев он. Смирный мужик, но вчера тоже чего-то разошёлся!

— В смысле?..

— Ну, они почти подрались, — выговорил Герман неохотно. — Как в сериале, которые ты пишешь.

— Саш, я не пишу плохих сериалов!

— Значит, как в хорошем сериале подрались! Почти.

— Но не подрались?

— Чтоб Кондрат женщину ударил?! Но послать ... послал. И она уехала.

Тонечка налила ему ещё воды и подсыпала льда из ведёрка.

— Ну, муж и жена одна сатана, — сказала она задумчиво. — Всякое бывает...

— Я, видишь ли, к семейным сценам непривычный, — он вдруг улыбнулся. — Ты же мне не закатываешь!

— А она прям... закатывала?

Герман кивнул. Он шумно хлебал воду из стакана.

— А когда она уехала, мы уж всерьёз за дело взялись. Я вообще не помню, на чём ехал, кто меня вёз, как я в лифт зашёл. Яблоки помню, Кондрат за ними в погреб лазал.

— А как ты корзину на голову надел, помнишь? — не удержалась Тонечка.

— Ты её выдумала, эту корзину? Чтоб уж окончательно добить?

Тонечка засмеялась.

— Саш, даже я такого не выдумую! Но это была картина!

— Всё, проехали.

Тонечка промолчала.

...А вот и не проехали, Сашечка, милый! Я теперь эту корзину тебе всю оставшуюся жизнь буду поминать, и ты об этом прекрасно знаешь! Стыдно тебе? Вот и хорошо, вот и постыдись всласть, от души!..

Зазвонил телефон, и супруги стали синхронно озираться по сторонам.

— В дублёнке, — определил Герман. — В кармане.

Тонечка вытащила телефон и подала ему. На экранчике светилась надпись «Ермолай». Лёгко на помине! Он первоклассный повар, нам это известно. Должно быть, опохмелиться нечем. И ухаживать некому, Гелла-то была послана и уехала куда послали!

Герман нажал на телефоне громкую связь и откинулся на подушки.

— Са-ань? — проговорил из трубки грубый, словно большой голос.

Тонечка остановилась и посмотрела на телефон. Что-то случилось, моментально поняла она.

Герман ничего такого не понял.

— Кондрат! Здорово! Ты только глаза продрал?..

— Нет, — ответили из трубки. — У меня тут... беда, Саня. Давай ноги в руки и ко мне.

Герман сел, схватил трубку и поднёс к уху.

— Кондрат!.. Алё! — Посмотрел на экран и перевёл взгляд на жену.

— Я тебя отвезу, — сказала Тонечка.

Первоклассный повар жил недалеко, почти в пригороде Нижнего. Гиппопотамистую, тяжеленную машину мужа Тонечка водила не слишком уверенно, а Герман нервничал и торопил, и по дороге чуть было не приключилась та самая семейная сцена, к которой он был непривычен.

Один раз свернули не туда, оказались на пустой, присыпанной снегом дороге, которая петляла по мокрому лесу. И сигнал навигатора, ясное дело, пропал. Почему-то этот самый сигнал всегда пропадает в самый неподходящий момент.

Пришлось возвращаться к развилке, перезагружать программу, ждать.

— Я тебе говорил, не сюда! Я вчера не так ехал!

— Саш, я не знаю, как ты ехал, но адрес я правильно завела. Если ты мне правильно назвал!

— Дай я посмотрю!

Тонечка закатила глаза и сунула ему телефон.

«Поверните направо, — командовал телефон невыносимо самодовольным женским голосом, — через триста метров развернитесь!»

— Ты что, обалдела?! — зарычал Герман на телефонную женщину. — Посёлок Заречный, дом сорок один!

Тонечка отняла у него телефон.

«Поверните направо», — повторила женщина-навигатор. Тонечка повернула, как было велено, и вскоре впереди замаячил указатель «Заречный 1,5» и стрелка.

— Вот этот поворот помню, — сказал Герман.

— Молодец, — похвалила Тонечка.

На тихой улице дремали за заборами справные домишки, каменные, двухэтажные. И дорога была почищена, и переулки тоже. Видно, в посёлке Заречный хозяйничали со знанием дела и от души.

— Где-то здесь, — сказал Герман, всматриваясь в заборы.

— Подожди, ещё не доехали!..

Они въехали в переулок, и Тонечка притормозила. Ворота дома номер сорок один были распахнуты настежь.

— Он что, куда-то утром ездил с такого похмелья? — спросила Тонечка. — Или жена вернулась?

— Откуда я знаю, — огрызнулся Герман. — Заезжай давай!

Посередине двора стояла красная машина, молотила движком. Передние двери и багажник открыты.

— Ну вот! Жена и вернулась! Две минуты назад! Опять скандалить понеслась, даже двери не закрыла.

— Нет, машина давно стоит, — проговорила Тонечка настороженно.

— С чего ты взяла?!

— Крыша и багажник снегом присыпаны, видишь?.. А капот мокрый, он же горячий, снег на нём тает...

Герман выпрыгнул, огляделся по сторонам, покричал:

— Кондрат! Ты где?! — И прислушался.

Никто не отозвался.

Тонечка выбралась с водительского места и потянула за собой рюкзачок. В рюкзачок она напихала воды в бутылках, сколько влезло, и аптечку.

Герман заглушил работающий двигатель в красной машине, сунул в карман ключи. Сразу стало очень тихо, как и положено зимой в деревне. Он захлопнул дверь и пошёл к дому, продолжая на ходу оглядываться.

— Не нравится мне всё это, — пробормотала Тонечка. — Что-то здесь не так...

Большой лохматый пёс выбрался из будки, за ним тащилось сено, как видно он спал на нём, отряхнулся и вопросительно брехнул.

Тонечка оглянулась:

— Ты мой хороший! — сказала она псу. — Что-то у тебя вид заспанный! Ты охранный пёс или нет?

— Тонечка, давай за мной!

— Я иду, иду!..

В дом вели двойные двери, по виду старинные, на поверку оказавшиеся новомодными — металлические, с тяжёлыми хромированными задвижками, почти банковские.

Тонечка недоверчиво посмотрела на двери. Видимо, повар чего-то боялся. Или это его жена, звезда шоу «Любит — не любит», боялась?..

— Кондрат, алё! — проорал Герман из прихожей. — Ты где?!

— Осторожней, Саня, — отозвался из глубины дома больной голос, который Тонечка сразу узнала. — Иди кругом, прямо не ходи!

Александр Герман замер на пороге комнаты, мельком оглянулся на Тонечку.

— Тоня, иди в машину, — велел он.

Но она уже заглянула, конечно.

Большая комната на три окна была разгромлена, словно в ней дрались стенка на стенку. Пол усыпан битой посудой и какими-то круглыми деревяшками — Тонечка не сразу

сообразила, что это ножки от стульев. На светлом ковре, сбитом в сторону, тёмные пятна, много. Неровные, острые, страшные осколки стекла возле старинного буфета, из которого выбиты дверцы, закапаны чем-то красным. Кровь? Ветер колышет занавеску на распахнутом окне, на подоконнике перевернутые цветочные горшки, батареи засыпаны землёй.

— Кондрат, мать твою!

— Я здесь, на кухне.

Большая комната была разделена на две условные части — кухню и столовую, и та часть, где располагалась кухня, тоже имела выход из прихожей.

Возле гигантской плиты стоял высоченный мужик в тельняшке. Рыжая всклокоченная борода словно светилась в полумраке на фоне бледного, в голубизну, лица.

— Что тут было?! На тебя напали?!

Мужик пожал плечами и бородищей показал на Тонечку:

— Ты зачем её привёл?

Герман оглянулся. Тонечка ещё ни разу в жизни не видела, чтобы её муж был так растерян. И напуган.

— Кого?..

— Мы вместе приехали, — выпалила Тонечка. — Такси долго бы ждали, пришлось мне за руль садиться.

— Уезжайте, — сказал рыжебородый с трудом. — Сань, выпроводи её. Нечего здесь делать.

Но Герману было не до Тонечки.

— Ты что натворил, Кондрат?!

— Или кто натворил? — встряла Тонечка.

— Не знаю. Я проснулся... так уже было. А я ничего не помню!..

Тонечка осторожно обошла мужа и огляделась. На кухне не было никакого разгрома, словно сюда не дошло цунами. Больше того! Кухня сияла какой-то праздничной, новой чистотой, словно из неё только что вышла команда уборщиков.

Тонечка ещё поглядывалась по сторонам, а потом тихонько взяла со стойки стакан.

— Не трогайте вы ничего, — выговорил рыжебородый с трудом. — Нельзя! Сань, чего теперь делать? Наряд вызывать, да?..

— Подожди, успеем, — сказал Герман. — Давай подумаем. Может, ты чего вспомнишь?..

— Мы с Ленкой в хлам поругались.

— Это ещё при мне.

— Я больше ничего не помню!!!

Тонечка налила в стакан воды, бросила аспирин, который моментально зашипел, брызгая колючими крохотными фонтанчиками ей на руку.

— Девушка, я же вам сказал, не трогайте ничего!..

Тонечка подала повару стакан.

— Ну, давайте познакомимся, — предложила она деловым тоном. — Меня зовут Антонина Морозова. Вернее, Герман, но подписываюсь я Морозовой. Так удобней, потому что я сценарии пишу уже давно и под фамилией Морозова. Но Герман — звучит, правда?

Она болтала без остановки, чтобы дать ему возможность отвлечься, рассмотреть её и выпить аспирин.

— Я жена вашего друга Сани, то есть Александра Наумовича, конечно! А вы повар, и вас зовут Ермолай! Вернее, вас зовут Кондрат, а фамилия у вас Ермолаев, так что мы с вами оба называемся не так, как нам положено!

Ермолаев Кондрат залпом допил воду, выдохнул и посмотрел на Германа.

— Ну да, — тот кивнул, — она такая.

Тонечка между тем пристроила рюкзак на стул и стала обходить кухню по кругу. Зачем-то она открывала ящики и заглядывала в шкафы. Вытащила какой-то свёрток, развернула, посмотрела и сунула обратно.

— У вас образцовый порядок, — похвалила она.

— Ну, когда я готовлю, здесь бардак. — Повар покрутил ручищей, на пальцах синела татуировка. — Страшный.

— Я слышала, — подхватила Тонечка, — что настоящие повара никогда за собой не убирают и не моют! Они только всё разбрасывают и расшвыривают, зато у них получаются кулинарные шедевры. У вас получаются шедевры?

Рыжебородый Кондрат Ермолаев пожал плечами.

— Я не знаю.

— Выпейте ещё вот... таблеточку. Это от отравления. Ваш организм отравлен алкоголем, — добавила она, сделав ударение на первом слогое, чтоб получилось смешно.

Но никто не рассмеялся.

— Слушайте, я вообще не пью никакие пилюли! Сань, скажи ей!

— Тоня, он не пьёт пилюли!

— А кто вчера убирал кухню?

Кондрат с усилием проглотил таблетку.

— В смысле?

— Или вы сами убирали за собой? Саша сказал, что ужин был очень вкусный, и выпили много, потому что закуска была хороша. Вот вы приготовили ужин, а потом всё за собой сами помыли?